

Удостоверения, пропуска и билеты Я. А. Балагурова. 1925-1957 гг. О. 1. Д. 4/130. Лл. 1-18.

Фотографии Я. А. Балагурова. 1935-1970 гг. О. 1. Д. 4/137. Лл. 1-29.

Фотографии деревень и построек Петровского, Сортавальского и Кемского районов. Фотограф Тароева. 1955-1956 гг. О. 1. Д. 7/226. Лл. 1-27.

Фотография Балагурова Я. А. и Редькина Ф. А., капитана МРТ «Гридино» Кемского района в Кремле. 1955 г. О. 1. Д. 7/225. Л. 1.

Характеристика деятельности Я. А. Балагурова, данная секретарем Каробкома ВКП(б) по пропаганде Н. Котельновым. 3 января 1940 г. О. 1. Д. 1/1. Л. 1.

Национальный архив Республики Карелия (г. Петрозаводск)

Фонд. 25. Олонецкая духовная консистория.

Метрическая книга Шуерецкого прихода о рождении. 1883-1905 гг. О. 27. Д. 30. Лл. 1-161.

Литература

Сулимин, С. Я. А. Балагуров / С. Сулимин. – Петрозаводск : Изд-во Карело-Финской ССР, 1948. – 27 с.

Людмила Сергеевна Богословская,
руководитель центра традиционной культуры
природопользования Российского НИИ культуры и природного
наследия им. Д.С. Лихачева, доктор биологических наук,
Ю.С. Супруненко, *Российский НИИ культурного и природного*
наследия им. Д.С. Лихачёва, г. Москва,
В.А. Спиридонов, *институт океанологии*
им. П.П. Ширинова РАН, г. Москва

Краеведение и локальные культуры народов Севера

Национальная культура каждого народа, большого или малого, всегда неоднородна, всегда представлена несколькими вариантами, которые получили название «локальные, или местные, культуры». Существование всего разнообразия вариантов, в конечном счете, определяет силу и устойчивость любой из официально признанных национальных культур. Изучение локальных культур, включающее бережное исследование даже самых небольших их компонентов и проявлений, составляет сферу деятельности краеведения.

В наше время глобализации и чрезмерной унификации всех аспектов человеческой деятельности краеведение приобретает совершенно особое значение, поскольку эта, вероятно, самая народная наука дает коренному населению, ведущему традиционный образ жизни, методологию и методики сохранения их локальных (местных) культур.

На Европейском Севере России (авторы имеют в виду Мурманскую область, Республику Карелия, Архангельскую область вместе с Ненецким АО и Республику Коми) коренное население – это семь народов, принадлежащих к четырем разным языковым и этногенетическим группам: финно-угры (саамы, карелы, финны, коми), восточные славяне (русские), самодийцы (ненцы), прибалтийско-финские народы (вепсы). В течение многих веков происходило смешение их национальных культур, вплоть до заимствования традиционных способов природопользования, от орудий производства и технологий до целых систем жизнеобеспечения. В результате появился целый спектр локальных культур, и, возможно, самую яркую его часть составляют культуры *поморов*, уникальной полиэтнической общности нашего Севера, чье существование сейчас под угрозой. Неслучайно, Форум 2010 г. «Беломорье: нить времен» по существу был краеведческим, посвященным проблеме сохранения локальных культур поморов.

Пространственным воплощением традиционных локальных культур являются культурные ландшафты. Они соединяют в себе, с одной стороны, традиционные схемы расселения и хозяйственного использования территорий, (иначе говоря, схемы размещения производительных сил), с другой, – материальные объекты, связанные с исторической, культурной и духовной памятью народов (Богословская и др., 2010; Спиридонов и др., 2010; и др.). Социальным отражением культурных ландшафтов являются общины (семейные, родовые, территориально-соседские). Системы традиционного расселения внутри ландшафтов способствовали наилучшей пространственной организации дробной и сложной внутриэтнической (популяционной) структуры северных народов и тем самым предохраняли генофонды небольших по численности этносов и этнотерриториальных групп от оскудения и вырождения.

В экстремальных условиях Севера, где биоценозы имеют обедненный видовой состав, люди должны использовать возможно

большее число природных ресурсов, дающих животный белок. Именно поэтому ***стационарные поселения традиционно создавались в местах с самыми высокими показателями биологического разнообразия и продуктивности, то есть на стыках двух или более экосистем***, что позволяло жителям с минимальными энергетическими затратами добывать максимальное количество белковой пищи. Оптимальное использование биологических ресурсов без подрыва их воспроизводства демонстрирует система размещения береговых селений поморов. Она показывает способность этой группы северян экологически грамотно распределять промысловую нагрузку на популяции хозяйственно важных биологических объектов, а также снижать антропогенные воздействия на хрупкие, малоустойчивые природные комплексы Арктики, прежде всего на почвенно-растительный покров.

Неотъемлемое свойство коренных жителей Севера – высокая подвижность человеческих коллективов, способность при неблагоприятных условиях быстро менять место жительства. Но при этом для них совершенно особое значение имеют те части культурных ландшафтов, которые понимаются ими как «*свои земли*», и возможность рано или поздно вернуться на них. Вне «*своих земель*» жизнь коренных северян теряет смысл. Можно полагать, что для традиционных этнических общностей Севера «*свои земли*» это:

а) ***Земля родного селения, где родился и вырос человек*** (в современной законодательной системе – категория «Земли поселений»). Эта земля обеспечивает кровнородственные, социальные и этнокультурные связи с сородичами, предками и будущими поколениями, что дает возможность осуществления процессов генетической и культурной преемственности во всей их полноте;

б) ***Земли, где захоронены предки*** (категория «Историко-культурные земли») и где рассчитывают быть похороненными ныне живущие;

в) ***Священные места: территории, водные и другие природные объекты, часто отмеченные особыми ритуальными сооружениями*** (категория «Историко-культурные земли») — важнейшие материальные объекты духовной культуры каждой, большой или малой, этнической общности. Такие места создают и оберегают связи между людьми и природой в образах духов-хозяев конкретных мест. Знания о священных местах у ряда народов яв-

ляются эзотерическими и составляют важнейшую часть так называемой «культуры молчания». Обычно священные места располагаются на хорошо заметных возвышенностях (холмах, высоких речных и морских берегах). Это могут быть скалы и камни причудливой формы, отдельно стоящие деревья и другие объекты природы, привлекающие внимание своей необычностью. Поклонение камням (*сейдам*) чрезвычайно развито у *саамов*, считающих, что камни могут перемещаться и даже летать. Ненцы часто сооружают в таких местах *гебидэи* (груды оленьих рогов, перемешанные с ветками и другими подношениями духам-хозяевам места), нередко оставляют нарты с дарами. Поморы ставят там обетные кресты, складывают из камней гурии. Священные места могут быть семейными, родовыми или общезнательскими, как для ненцев мысы Болванский и Дьяконова на о. Вайгач.

г) **Заповедные земли и водные объекты** (категория «Особо охраняемые природные территории») – обеспечивают сохранение природной среды и традиций взаимоотношения людей и природы.

д) **Охотничьи угодья, рыбопромысловые участки, сельскохозяйственные земли (оленьи пастбища, традиционные транспортные пути, маршруты кочевков, резервные земли)** – эти виды также входят в понятие «свои земли/воды». На первый взгляд, отношения коренных жителей по поводу этих земель и участков водных пространств ближе всего к современным имущественным отношениям. Однако коренные народы не использовали принцип исключительной частной собственности на землю, промысловые угодья, как и на любые другие виды природных ресурсов. Закрепление подобных территорий за родом или семьей имело скорее характер общественного договора, традиции. Подобные хозяйственно важные земли и воды одной этнотерриториальной группы всегда «проницаемы» для других таких же групп своего народа и даже народов-соседей, когда последние испытывают какие-либо трудности в природопользовании на своей территории. В этих случаях *доступ к ним осуществляется на основе договора, составляющего базовый компонент обычного права северных этносов.*

Таким образом, перечисленные виды земель, а также участки морских и речных пространств, включая сезонно возникающие традиционные ледовые ландшафты, безусловно, не являются объектами собственности и имущественных отношений в современ-

ном понимании. Более того, земля выступает здесь даже не в качестве природного ресурса, а как совершенно особый, базовый, компонент природного, историко-культурного и духовного наследия, или «исконной среды обитания», каждого народа, каждой его этнотерриториальной группы. (Смотри, например, историю села Гридино в работах Капитоновой, Потахина, 2008; Логинова, 2008; и др.).

Фундаментальным условием бесконечно долгого использования экосистем является сохранение их исходных качеств, прежде всего, поддержание начального уровня биологического разнообразия и продуктивности. Следовательно, **группы коренного населения, ведущие традиционный образ жизни, стремятся к тому, чтобы их хозяйственная деятельность не изменяла окружающую среду.**

Биологическое разнообразие может быть сохранено реально – «на местах» – только в контексте сохранения культурного разнообразия, под которым, как говорилось выше, авторы понимают сохранение локальных вариантов национальной культуры каждого народа. Жизнь показывает, что невозможно поддерживать уровень биологического разнообразия только хорошими действиями «просвещенной европейской науки». Необходимость сохранения этой характеристики, как и продуктивности «своих экосистем», должна быть встроена в локальные культуры и менталитет любого народа, о чем очень хорошо сказал известный этнограф В.М. Кулемзин (*Koulemzine*, 1999. P. 450): «...это подводит нас к признанию довольно необычного факта: человек проявляет бережливое, щадящее отношение к природе только в рамках соответствующих традиций. Образно говоря, природу бережет не человек, а традиция».

Принцип жизнеобеспечения традиционных культур – передавать потомкам «свои» экосистемы в неизменном виде: с теми же параметрами биологического разнообразия и продуктивности, которые использовали все предшествующие поколения. В противоположность этому современная западная цивилизация меняет ландшафты до неузнаваемости и старается сохранить качество природной среды лишь у себя «дома». Отсюда – перенос грязных технологий в другие регионы планеты и объявление коренных народов, сопротивляющихся такому процессу, варварами, тормозящими экономическое развитие своего региона или даже страны.

Локальные культуры коренных народов Севера, являясь основой уникальных систем жизнеобеспечения, представляют собой часть общемировой культуры, древний и успешный опыт адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде, принципиально иной, чем опыт европейской цивилизации последних веков. В деле сохранения локальных культур и их пространственного воплощения – локальных ландшафтов – важнейшую роль играет краеведение, самая народная наука, спасающая сегодня от забвения многие стороны традиционной жизни северян.

Литература

Беломорье : нить времен : материалы Форума. Беломорск, 25–26 сентября 2010 г. – Петрозаводск, VERSO, 2011. – 144 с.

Богословская Л.С., В.В. Голбцева, А.А. Шаларёв. Судьба традиционных морских культур Российской Арктики // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России : мат. первой межд. научно-практ. конф. (СПб, 27–30.10.2010). – Калининград : Терра Балтика, 2010. – С. 348–357.

Капитонова С.А., Потахин С.Б. Из истории села Гридино // Под ред. А.Н. Громцева. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. – С. 166–168.

Логинов, К.К. Историко-этнографические особенности поморского села Гридино : прошлое и современность // Скальные ландшафты Карельского побережья Белого моря: природные особенности, хозяйственное освоение, меры по сохранению / Под ред. А.Н. Громцева. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – С.168–190.

Стиридонов В.А., Богословская Л.С., Супруненко Ю.С. Морские и приморские культурные ландшафты Беломорья и Чукотки как компоненты природно-культурного морского наследия России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России : мат. первой межд. научно-практ. конф. (СПб, 27–30.10.2010). – Калининград : Терра Балтика, 2010. – С. 442–453.

Koulemzine V.M. Traditions culturelles et environnement // Cultures & sociétés. Sibérie II. Paris: Institut d'Études Slaves, 1999.Pp. 447–450.